

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГУБНЫХ СТАРОСТ РОССИИ В XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

*Рагунштейн Арсений Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
e-mail: ragunshteyn@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена возникновению и развитию института губных старост в России в XVI – начале XVIII в. Губные старосты сыграли решающую роль в формировании правоохранительных органов России в период формирования Русского централизованного государства. Несмотря на сословный характер комплектования этого органа государственной власти, он сыграл важную роль в искоренении разбоев и других форм тяжких уголовных преступлений. Это было особенно актуально для XVI–XVII веков, когда в условиях усиления крепостного права значительно увеличилась опасность разбоев. В то же время у губных старост был существенный недостаток из-за особенностей их комплектования. Добровольность поступления на государственную службу в качестве губного старосты не компенсировала ответственность при исполнении ими своих обязанностей, на что неоднократно указывалось в царских указах. Эффективность губных старост напрямую зависела от конкретной личности человека, который занимал данную должность. Кроме того, губные старосты находились в зависимости от помощи со стороны светских и духовных феодалов и органов крестьянского самоуправления, которые оказывали им помощь. Без их активного участия деятельность губных старост была бы невозможной.

Особое внимание в статье уделяется вопросам квалификационных требований к губным старостам и их помощникам, а также полномочиям, которыми они были наделены. Автор делает вывод о том, что губные старосты имели важное значение в системе обеспечения правопорядка Русского государства. Они сыграли ключевую роль в ликвидации разбоев и грабежей, особенно в отдалённых районах страны. Однако, выполнив свою роль они уступили место назначаемым сотрудникам полиции, которые сменили губных старост в начале XVIII в.

Ключевые слова: губные старосты, целовальники, разбой, кража, Россия, полиция, розыск, уголовный процесс.

Рост преступности в XVI в. потребовал от правительства принятия соответствующих мер безопасности. Естественным ответом на этот процесс было создание соответствующих правоохранительных структур. Так в России возник институт губных старост и целовальников. Но появился он не сразу и был результатом долгой эволюции системы обеспечения правопорядка, сначала в сельской местности, а затем и в городах.

В период правления Ивана III и Василия III страна стремительно расширялась. В её состав включались всё новые и новых земли. По мере роста территории возникла насущная необходимость в закреплении власти Москвы на окраинах государства. Сделать это можно было путём

назначения лояльных центральным властям наместников. Они обладали большой властью, но уже в начале XVI в. стало очевидно, что наместники не справлялись с ростом преступлений и без помощи местного населения им не обойтись.

Для начала центральные московские власти привлекли к судебной деятельности провинциальное дворянство и «лучших людей». Обычно это осуществлялось через пожалование особых прав наиболее отличившимся дворянам. Так, в «Жалованной, тарханной и несудимой грамоте» окольному Никите Перфильевичу Сатину от 7 августа 1504 г. великий князь Иван Васильевич даровал ему право в своих владениях осуществлять судебные полномочия вместе с наместниками и волостелями¹.

Аналогичная норма постепенно стала распространяться и на крестьянские общины, которые должны были ограничивать произвол великокняжеских наместников на местах. В «Уставной грамоте Переславским рыболовам» от 7 апреля 1506 г. было указано, что «... без старосты и без лучших людей волостелю и его тиуну суда не судити никакого»². Аналогичная норма содержалась и в Уставной грамоте Дмитровского князя Юрия Ивановича Каменского стана бобровникам от 29 июля 1509 года³.

В «Уставной грамоте крестьянам села Высоцкого» от 26 января 1536 года было сказано, что для поддержания порядка, управления и сбора налогов в деревне следовало иметь тиуна, праветчика и доводчика. Причём их назначали не менее чем на год. Как и у других уставных грамотах, их содержание осуществлялось на счёт судебных пошлин. А чтобы крестьяне не проявляли милость к ворами, и отпускали их в случае поимки, было установлено правило, что за «самосуд» взимался штраф в размере двух рублей. При этом поимка убийц была задачей общины. Крестьяне сами должны были отыскивать убийц, совершивших преступление на землях общины и выдавать их наместнику для суда. В противном случае община платила штраф в 4 рубля⁴.

Следующим этапом стало наделение местных детей боярских как служилых людей широкими правоохранительными функциями. Из них и начал формироваться корпус губных старост. Подобное решение было обосновано увеличением числа начальственных преступлений, особенно на окраинах государства. Так, в «Губной Белозёрской грамоте» от 23 октября 1539 года царь Иван Васильевич Грозный констатировал высокий

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964. №186. С. 199-200.

² Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. С. 6.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. М., 1909. С. 20–21.

уровень преступности в северных районах страны: «... в тех наших волостях многие сёла и деревни разбойники разбивают, и животы ваши грабят, и сёла и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и разбивают, и убивают многих людей до смерти». При этом он упрекал белозёрцев в том, что «... иные многие люди у вас в волостях разбойников у себя держат, а к иным людям разбойники с разбоем приезжают и разбойную рухлядь к ним привозят»¹. Фактически этим признавалось, что на севере обосновалось большое количество преступников, которые чинят разбои при попустительстве самих местных жителей.

В той же грамоте царь признавал, что посланные властями обыщики и недельщики злоупотребляли своими полномочиями, занимались поборами и затягивали решение дел. Сознывая, что исправить это положение из Москвы не представлялось возможным, царские власти давали возможность избрать по 3–4 головы на волость из числа местных детей боярских, для поиска преступников. Кандидаты на эти должности должны были быть грамотными и «пригожими». В помощь им выделялись старосты, десятские и крестьяне из «лучших людей»: 5–6 человек. Им поручалось самим разыскивать разбойников по волостям и станам, проводить расследования на местах, выявлять преступников и их сообщников, возвращать похищенное имущество. При необходимости они могли прибегнуть к пытке и битью кнутом до смерти. При этом смерть под пыткой не считалась преступлением со стороны голов и их подчиненных².

Такая практика существенно расширяла возможности местных властей и позволяла опираться на местные кадры, не ожидая приезда должностных лиц из Москвы. Единственной обязанностью новых должностных лиц было подробное сообщение в Москву обо всех причинах и обстоятельствах проведённого расследования.

Дабы выборные головы в Белоозере не проявляли излишнюю терпимость к подозреваемым в преступлениях, в губной грамоте устанавливалась норма возложение убытков в двойном размере от деятельности разбойников на выборных голов, которые отпустили их, не подвергнув должному наказанию. При этом выборные головы оказывались у царя в «казни и в продаже»³.

Таким жёсткие условия ставили выборных должностных лиц в весьма строгие рамки деятельности. Учитывая возможные санкции, для выборных голов было крайне выгодно найти основания для казни разбойника. В противном случае выборный голова сам оказывался в опале и нёс за него ответственность.

¹ Там же. С. 51.

² Там же. С. 51–52.

³ Там же. С. 52.

Аналогичные нормы содержались и в «Губной Каргопольской грамоте» от 23 октября 1539 года. Большинство положений этой грамоты полностью соответствуют «Губной Белозёрской грамоте», включая обвинения каргопольцев в укрывательстве разбойников и соучастии в их деятельности и утверждения необходимости избрания из числа детей боярских голов для поимки преступников¹.

В «Губной Соль-Галицкой грамоте» от 31 августа 1540 г. Иван Васильевич требовал от жителей избрания десятких, пятидесятских и сотских со всех дворов на посаде. Им поручалось следить за тем, кто и куда заселился, приехав для торга. Если приехавший отказывался назвать своё имя и причину приезда или выглядел подозрительно, его следовало доставить к городовому приказчику для допроса. Подозреваемых в разбое следовало пытаться для получения правдивых показаний в присутствии дворских и целовальников и «лучших людей». При наличии доказательств разбоев их следовало казнить².

Подобные практики взаимодействия выборных должностных лиц с царской администрацией на местах постепенно стала обычной практикой. Многочисленные губные грамоты XVI века фиксируют одну и ту же картину: для поимки разбойников выбирались должностные лица из числа местных детей боярских, которым в помощь передавались сотские, пятидесятские и десятские из числа посадских жителей и крестьян. Они наделялись довольно широкими полномочиями по сыску преступников и могли применять пытку при проведении допроса. Эта практика показала довольно большую эффективность. Именно поэтому её решили закрепить на общегосударственном уровне.

Судебник 1550 г. узаконил деятельность губных старост на всей территории России. По ст. 60 Судебника губные старосты получили единоличное право бороться с разбоями. Однако в другие судебные дела они не могли вмешиваться. Гражданские дела остались в ведении царской администрации.

Кандидатуры губных старост и их помощников утверждали в Москве. После этого их приводили к присяге и допускали к исполнению обязанностей. Губные старосты приносили клятву и целовали крест, что будут судить людей «по правде». То же делали и целовальники (помощники) губного старосты³.

¹ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. С. 53–55; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. №31. С. 32–33.

² Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. С. 58–60.

³ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 186.

18 января 1555 г. в дополнение к Судебнику был издан «Приговор о разбойных делах». Он устанавливал процедуру дознания по разбойным делам. Так, преступника после поимки следовало подвергнуть пытки для выяснения соучастников преступления, после этого казнить¹.

Показания разбойника, полученные под пыткой, считались наиболее ценным доказательством вины. Схваченные и подвергнутые пытке преступники могли не соглашаться с обвинениями в разбое, но это не освобождало их от казни. Более того, если соучастник преступления, после поимки и пытки не соглашался с обвинениями, его всё равно следовало казнить. Также для казни хватало показаний двух свидетелей, которые могли подтвердить факт участия человека в разбое².

Поиск и дознание возлагались на губных старост. Причём, «Приговор» устанавливал для них строгие условия исполнения своих обязанностей. Губной староста мог быть подвергнут наказанию виде заключения в тюрьму если:

- отказывался от крестного целования после выбора губным старостой;
- отказывался выполнить свои обязанности;
- не выполнял указания царских грамот;
- после назначения и крестного целования на должность не выезжал из Москвы и жил «по своим делам».³

По прибытии на место розыска разбойников губной староста получал в своё подчинение 5–6 человек из окрестных сёл, волостей и деревень. При этом в том же «Приговоре» указывалось, что местные власти могут и проигнорировать требование о выделении людей в помощь губному старосте. На этот случай устанавливался штраф размером в рубль для каждого крестьянина, который откажется помогать губному старосте⁴.

Если разбойники действовали не в конкретной местности, а перемещались между городами и губами, то для координации действий губных старост в их подчинение передавались целовальники. Они должны были обеспечивать сношения губных старост между собой. Для защиты целовальников в период переездов им выделялось 3–4 «добрых человека»⁵.

Отказаться от координации своих действий с коллегами губной староста не имел права. Если боярин указывал на необходимость координации действий двух губных старост, а они не «съезжались» и не действовали совместно, то к ним являлись приставы для выяснения

¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XV – первой половины XVII в.: тексты / отв. ред. Е.Н. Носов. Л., 1986. № 6. С. 33.

² Там же. № 6. С. 33.

³ Там же. № 6. С. 34.

⁴ Там же. № 6. С. 34.

⁵ Там же. № 6. С. 34.

причин, дальнейший отказ приводил к штрафу в стоимость похищенного имущества потерпевшего. Исключение делалось только в случае сильной занятости старосты по другому уголовному делу¹.

В развитие «Приговор о разбойных делах», 22 августа 1556 г. был издан «Приговор о губных делах». Причиной издания этого документа стали многочисленные процессуальные нарушения, которые имели место при розыске преступников и их привлечении к суду. Особенно власти настораживали многочисленные факты проведения судебных поединков («поля») вместо проведения полноценного расследования («обыска»). Исходя из этого, вводилась норма об обязательности проведения расследования в полном объёме, а не замена его на судебный поединок. Губные старосты и целовальники должны были «накрепко» проводить следственные действия «без поля и без целованья», то есть без поединков и ложных клятв в невиновности².

Особо «Приговор о губных делах» обязывал старост проводить следственные действия по уголовным делам вне зависимости от социального положения подозреваемого. Показания допрашиваемых должны были обязательно фиксироваться на бумаге и скрепляться подписью допрашиваемого, если он был грамотен. При этом, допрашиваемые могли поплатиться жизнью за недостоверные показания. За намеренную ложь на допросе устанавливалась смертная казнь³.

Особое требование было установлено для самих губных старост. Они не могли использовать своё положение для сведения личных счётов с недругами. То же касалось случаев укрывательства преступников губными старостами и сговора между ними с целью сокрытия факта противоправной деятельности со стороны губного старосты. Об этих случаях следовало немедленно донести царю. Наказание за такой сговор – «казнь без милости»⁴.

Повышенное внимание уделялось также вопросам коммуникации между губными старостами, князьями, боярскими детьми, сотскими, десятскими. «Приговор» обязывал их по воскресным дням прибывать на торг и обмениваться новостями о совершённых в округе преступлениях, собирать жалобы на разбои и татбы. Там же объявлялось о том, кто находится в розыске по уголовным делам и подозревается в совершении преступлений⁵.

¹ Там же. № 6. С. 34.

² Законодательные акты Русского государства второй половины XV – первой половины XVII в.: тексты / отв. ред. Е.Н. Носов. Л., 1986. № 16. С. 39.

³ Там же. № 16. С. 40.

⁴ Там же. № 16. С. 41.

⁵ Там же. № 16. С. 41–42.

После ликвидации в 1555/1556 гг. института наместников и волостелей, сфера деятельности выборных губных старост существенно расширилась. Они также судили дела о земельных владениях, охраняли и разделяли места промыслов, высылали из подворий незаконно проживавших жильцов.

Обычно губные старосты справлялись с возложенными на них обязанностями, но если жалобы на разбои доходили до царя, то он требовал от губных старост принятия мер. Так, 12 марта 1571 г. царь Иван Грозный издал наказ Белозёрским губным старостам Меньшему Лихарёву и Якову Гневашеву и их целовальникам. В нём он требовал от них совместно провести расследование по фактам разбоев в районе Белоозера и отписать отчёт в Москву в Разбойный приказ о результатах розыска¹.

Известна аналогичная губная грамота Троице-Сергиеву монастырю от 1596 г. В ней царь Фёдор Иоаннович требовал от монастырской братии оказания помощи губным старостам и целовальникам в поиске преступников, которые укрылись в монастырских сёлах и деревнях и вершили разбои².

Более того, если владельцы поместий и вотчин не предпринимали действий по обузданию преступности на своей земле, то царские власти принуждали их к этому, обязывая заботиться о безопасности. Так, в ответ на жалобы крестьян Вологодского и Белозерского уездов, проживавших во владениях боярина Дмитрия Ивановича Годунова, на бездействие по отношению к разбойникам, 14 марта 1595 года была издана губная грамота. Она, обязывала немедленно выбрать губных старост и целовальников для их поимки. При этом за Д.И. Годуновым сохранялось право выбора кандидатов на эти должности, но действовать выборные должностные лица должны были немедленно после приведения к присяге. Результаты розыска они должны были довести до Разбойного приказа³.

Соборное Уложение 1649 года (XVIII, 66; XXI, 3, 4, 5, 83, 84, 101, 95, 97, 98, 441) сохранило губных старост и их помощников в системе обеспечения правопорядка в России. Они по-прежнему оставались низшей судебной инстанцией в правоохранительной системе страны. Однако обострение криминогенной ситуации в стране во второй половине XVII в. потребовало от государства дальнейшего уточнения полномочий губных старост и подчинённых им должностных лиц.

25 ноября 1661 года был издан Указ Алексея Михайловича, который указал сменить воевод во всей стране и отправить их в Москву, а в период

¹ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. С. 74–78.

² Там же. С. 78–82

³ Там же. С. 87–92.

их отсутствия передать власть губным старостам, а там где их нет – отставным дворянам или детям боярским¹.

22 января 1669 г. были изданы «Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах». Причиной его издания стал рост преступности. В частности, в ст. 4 на губных старост и сыщиков по указанию Разбойного приказа возлагалась обязанность обеспечивать розыск преступников. В то же время, эта функция изымалась из ведения воевод².

По ст. 5 губными старостами должны были становиться «дворяне добрые и прожиточные», которые из-за возраста или наличия ранения были отставлены от должности, либо вместо которых служат дети или племянники. Особым требованием являлась грамотность старост. Если в городе не было дворян, соответствующих данным требованиям, разрешалось набирать старост среди детей боярских.

Старосты назначались по решению Разбойного приказа после проведения процедуры выборов среди дворян и детей боярских, посадских жителей, жильцов и сотенных людей. Результаты голосования отправлялись в Москву в Разбойный приказ, где выбранную кандидатуры подтверждали. После этого старосту приводили кандидата к присяге сыщики по месту пребывания и отмечали в Чиновной книге.

Вступая в должность, земский староста получал из Разбойного приказа указания о проведении следствия совместно с сыщиками. В помощь старосты и сыщику давался дьячок, который вёл делопроизводство.

В тюрьмах для содержания заключённых положено было иметь охрану из стрельцов по два человека. Их избирали из наиболее верных служилых людей и приводили к особой присяге³.

Если на земского старосту поступала жалоба в нарушении установлено присяге и нарушении законодательства, следствие в отношении него вёл земский староста из другого города по назначению сыщика. Им надлежало проводить следствие «без всякого пронырства»⁴.

Сам процесс расследования преступлений о разбоях и грабежах был строга регламентирован. Поскольку задержанием преступников занимались преимущественно сами крестьяне, статья 7 оберегала их от встречных обвинений в совершении преступлений. В частности было установлено, что «которые люди приведут в Губу татя, или разбойника, а те разбойники, или тати учинут на тех людей и на их дворовых людей и на

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I. Том 1. 1649 - 1675 гг. СПб., 1830. Ст. 313. С. 560. (Далее – ПСЗ РИ).

² ПСЗ РИ. Собр. I. Том 1. 1649 - 1675 гг. СПб., 1830. Ст. 441. С. 774.

³ ПСЗ РИ. Собр. I. Том 1. 1649 - 1675 гг. СПб., 1830. Ст. 441. С. 774.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 1. 1649 - 1675 гг. СПб., 1830. Ст. 441. С. 775.

крестьян, которые их на Губу приведут, говорить разбой, или татьбу, или иное какое воровство: и тому не верить....»¹. Это позволяло защитить их от встречных обвинений и стимулировало к задержанию преступников на территории общин.

Если преступник сразу сознавался в совершённом преступлении, его не следовало допрашивать с пристрастием. Вместо этого, подозреваемого сажали на две недели в тюрьму и жали поступления новых жалоб на преступления этого человека (ст. 8).

Наказанием для преступника были на первый раз битьё кнутом и отсечение двух пальцев левой руки, после чего освобождали под поручительство. При отсутствии поручителей, преступника отдавали во владение того помещика, которого он укажет в качестве своего хозяина. Если хозяин проживал вдалеке от места преступления, сыщик выдавал ему грамоту, чтобы он следовал к старому месту жительства. За нарушение этого указания и возвращение к противоправной деятельности преступника наказывали отсечением руки и ноги. Те же, кто укрывал преступника, наказывались ссылкой в Сибирь со всей семьёй и дворней (ст. 8)².

Однако, издание «Новоуказных статей» не смогло кардинально изменить ситуацию в стране. Особенно наглядно это показало восстание под руководством Степана Разина, которое достигло своего пика как раз в 1669–1671 гг. Под власть восставших попали целые области Русского государства. Для властей все они были разбойниками, объединившимися для грабежей и других насилий. Для подавления этого восстания пришлось приложить максимум усилий. Само восстание показало, что губные старосты могут пресекать деятельность лишь небольших банд. Но для борьбы с более крупными группировками требовало уже привлечение армии.

27 ноября 1679 года царь Фёдор Алексеевич изменил систему сыска преступников на местах, ликвидировав институт губных старост и сыщиков. Отныне расследование тяжких преступлений (татьбы, разбоев и убийств) возлагалось на воевод. Вместе с сыщиками приказчиками были ликвидированы также должности горододельцев, ямских приказчиков, осадных, пушкарских, засечных и житных голов, а также присыльных сборщиков для сбора денежного и хлебного сбора. Люди, занимавшие эти должности, должны были перейти на иную службу: «... кто в какую пригодится», а все их функции переходили в ведение воевод. Губные избы были ликвидированы, а губные подъячьи были переведены в подчинение

¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 1. 1649 - 1675 гг. СПб., 1830. Ст. 441. С. 775.

² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 1. 1649 - 1675 гг. СПб., 1830. Ст. 441. С. 776.

воевод в съезжие избы. Однако, были сохранены должности тюремных целовальников¹.

Всё функции по поддержанию правопорядка и розыску разбойников передавались в ведение воеводской администрации. Однако, довольно быстро выяснилось, что воеводы и так были перегружены хозяйственными, административными и военными делами и не могли уделять должного внимания и вопросам правопорядка. Уже от 18 февраля 1684 года был издан указ, который восстановил должности губных старост. В их ведение от воевод были возвращены функции розыска преступников. В указе особо подчеркивалось, что воеводы не могут вмешиваться в процесс выбора губного старосты. Его назначение являлось исключительной прерогативой царей².

Окончательная ликвидация института губных старост была связана с реформами Петра I. По указу от 10 марта 1702 года в городах были ликвидированы должности сыщиков и губных старост. Все следственные и судебные дела передавались воеводам, которые вместе с выборными людьми из числа местных дворян и знатных людей должны были вершить правосудие. В больших городах таких выборных было 3–4 человека, в мелких – 2. Воеводе было запрещено чинить суд без участия выборных от дворян и знати³.

После создания российской полиции государство постепенно отказалось от выборности при назначении на должности, связанные с борьбой с тяжкими уголовными преступлениями. По мере расширения сети полицейских учреждений, эти функции передавались назначаемым на должность полицейским служителям.

Таким образом, институт губных старост прошёл довольно долгий путь эволюции. Зародившись как способ ограничения злоупотреблений со стороны наместников, институт губных старост постепенно превратился в главный инструмент поиска лиц подозреваемых в тяжких уголовных преступлениях. При этом губные старосты были представителями дворянского сословия и выступали в качестве служилых людей по отечеству. Их отбирали из числа «лучших людей» и после выборов приводили к присяге, что давало им статус государевых людей с широкими полномочиями. Царские власти позаботились также о создании для них подчинённого аппарата в лице целовальников и вспомогательного контингента из числа десятских, пятидесятских и сотских. Это давало губным старостам необходимые ресурсы для решения главной задачи – борьбу с разбоями. Причём для решения этой задачи государство наделило губных старост широкими полномочиями, с применением разнообразных

¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 2. 1676 - 1688 гг. СПб., 1830. Ст. 779. С. 219–220.

² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 2. 1676 - 1688 гг. СПб., 1830. Ст. 1062. С. 576.

³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 4. 1700 – 1712 гг. СПб., 1830. Ст. 1900. С. 189–190.

мер насилия и вплоть до казни разбойников. Всё это позволяет рассматривать губных старост как основу государственной системы поддержания правопорядка на обширных пространствах нашего государства.

Библиографический список

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М.: Наука, 1964. – 687 с.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. Т. 1. – 400 с.
3. Законодательные акты Русского государства второй половины XV – первой половины XVII в.: тексты / отв. ред. Е.Н. Носов. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1986. – 262 с.
4. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / под ред. А.И. Яковлева. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909. – 208 с.
5. Памятники русского права. Вып. 4. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – 632 с.